

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С62

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Сонин, Максим Константинович
С62 Письма до полуночи / Максим Сонин. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 446 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-119044-6

Старшеклассницы Ана и Таня дружат с детства.

Наступает момент, когда подростковые проблемы перерастают во взрослые... Ана ломает голову над загадочным преступлением сорокапятилетней давности, а Тане не дает покоя странная ссора, свидетельницей которой она стала на вписке. Смогут ли девушки разобраться и найти себя?

Тем временем их класс медленно распадается под давлением страшной тайны.

© Максим Сонин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Моим родителям.
T. W: Сексуальное насилие, селфхарм

ПРОЛОГ

Ты ни в чем не виновата, и я обещаю, что все закончилось. Тебе больше никто не сможет причинить зла. Он умер, а значит, ты можешь больше не бояться. Пожалуйста, я тебя прошу, пожалуйста. Я буду снова и снова повторять это дурацкое слово, потому что других слов у меня нет. Пожалуйста.

Мне было так хорошо с тобой, даже если иногда я бывала злой и глупой, я все равно всегда хотела с тобой гулять, хотела держать тебя за руку, хотела слушать твою музыку и твой голос.

Ты не виновата, я не знаю, сколько раз я смогу это повторить, но сколько ни повторяй, все будет мало. Ты не виновата, ты не виновата, ты не виновата.

Все будет хорошо, я обещаю. Что я могу еще обещать? Пожалуйста. Я хочу, чтобы мы снова гуляли и снова смеялись, и болтали, и думали о будущем, ревновали и плакали. Или нет, ты не ревнуешь, это я иногда ревную. Не нужно, давай я помогу тебе, пожалуйста, давай не будем тут больше стоять, потому что мне очень страшно, и я знаю, о чем ты думаешь, и не хочу, чтобы ты это сделала. Мне не хватит слов, чтобы все

это высказать, потому что времени очень мало, сейчас сюда прибегут люди, но я хочу, чтобы ты взяла меня за руку.

Я хочу сказать тебе, что не знаю, каково это — быть тобой. Иногда я не знаю даже, каково это — быть мной. Я никогда не пойму тебя, никогда не почувствую твою боль, никогда не стану такой же сильной, как ты, но только лишь потому, что ты существуешь! Пока ты есть, никто не будет круче тебя, лучше тебя, красивее тебя, умнее тебя, добрее тебя.

Пожалуйста, я говорю тебе какие-то глупые слова, они ничего не значат. В голове они вот сейчас, сейчас, звучат гораздо лучше, но с каждой секундой я отчетливее понимаю, что ты все ближе к краю и все дальше от меня.

Помнишь?.. Я даже не знаю, что. Но что-нибудь хорошее, светлое, помнишь? Я тебе все расскажу, расскажу про квадраты, про стрельбу, про шифры, я все узнала! Я все поняла!

Не надо, пальцы ослабь, пальцы. Я ведь тебя ударю, я толкну тебя. Мне очень страшно и будет еще страшнее, потому что мне трудно дышать, и у меня кружится голова, но тебе хуже, я понимаю, не до конца, но понимаю. Ты же сама сказала, что не станешь этого делать, ты обещала! Когда я согласилась тебе помочь, ты обещала, что мы останемся живы! Ты обещала, что все останется позади, и мы снова будем как раньше, гулять как раньше, любить как раньше.

Пожалуйста, у меня в голове только дурацкая песня Земфиры, хорошая песня, красивая песня, и я не хочу так. Я ведь за тобой не прыгну, нет, но я умру, не

знаю как, но умру, я брошусь на асфальт и провалюсь под землю, я схохну, ты знаешь, я уйду. А это плохо, это не нужно, нам хватит счастья, всем хватит счастья, все будет хорошо, хорошо, хорошо. Не сейчас, я ничего не могу обещать тебе сейчас, но после.

Мы снова будем вечно, только не нужно делать глупостей. Отпусти эти дурацкие цветы. Руку, пожалуйста, только дай мне руку.

Часть первая

ТРИ ПИСЬМА ДО ПОЛУНОЧИ

Глава первая

Четверг, 14 сентября, день

Алиса протянула мне бежевый конверт — в таких прячут документы агенты ФБР в фильмах про серийных убийц.

— Спасибо, — сказала и улыбнулась. Не криво, а по-настоящему.

— Пожалуйста, — я пожала плечами и убрала конверт в рюкзак, втиснула между учебником по математике и тетрадью с рисунками.

В который раз подумала, что нужно выложить и то и другое дома, потому что невозможно носить в школу два-три килограмма бумаги каждый день. Подумала, понимая, что не стану этого делать, потому что потом будет неприятное чувство пустоты и легкости. Нельзя чувствовать себя хорошо, когда идешь в школу.

Алиса прикусила губу.

— Не беспокойся, — сказала я и застегнула клапан, чтобы показать, что конверт в безопасности.

Алиса кивнула, подобрала с пола собственный рюкзак.

— Пока, — сказала она и, набросив лямку на плечо, направилась к раздевалке.

Высокая и угловатая, она напоминала сгорбленное насекомое, которому все время приходится вертеть головой по сторонам, чтобы успеть вовремя скрыться в земляной норке при появлении хищника.

— Пока, — я помахала ее спине.

До репетитора оставалось еще сорок минут, а идти до дома минут пятнадцать. Появляться там раньше времени не хотелось. Нет, отношения с родителями меня неплохие. Нормальные. Ну, то есть все сложно. Папа все время пропадает на работе, мама тоже, но у нее больше выходных. Вместе я вижу их только вечером субботы и иногда утром воскресенья, поэтому у нас скорее семейный треугольник, чем обычная семья. С мамой я иногда завтракаю и хожу в кино или театр. С папой смотрю дома фильмы и разговариваю о книжках. Была бы его воля — я бы каждый день ходила не в школу, а в библиотеку.

Раньше вся моя школьная жизнь просачивалась в разговоры с родителями, но в девятом классе у меня в жизни стали все чаще происходить события, которые приходилось осторожно обходить во время общения с семьей. Не могла же я рассказывать маме о том, как курю возле Кофемании или пробую очередной IPA в Бирмаркете (особенно учитывая, что чаще всего я ничего нового не пробую, а пью хорошо знакомый Морт Субит). Домашние разговоры медленно превращались в довольно бессмысленные обмены штампами. Десять-пятнадцать минут, которые я могла выжать до репетитора, можно было потратить на что-то чуть более интересное, чем «Как дела в школе?» — «Нормально». — «У тебя скоро репетитор».

Конечно, это все странные оправдания. Вряд ли кто-то из родителей мог быть дома так рано, у них работа. На самом деле мне просто хотелось курить, но очень не хотелось думать о том, что мне хочется курить. Я как раз вошла в тот возраст, когда все пытаются бросить это, в общем-то, малоприятное занятие.

Моя подруга Таня бросала уже дважды, но оба раза ломалась через две-три недели. Мой одноклассник Юра, Юрец, однажды продержался почти два месяца летом, когда ездил в лагерь на Соловки, но в Москве его хватило минут на двадцать — до первого магазина, в котором не спрашивали паспорт. Я на прошлых весенних каникулах не курила целую неделю, потому что была с мамой в Одессе на экономическом форуме. Мама ходила на круглые столы и лекции, а я часами сидела в гостинице и смотрела с телефона фильмы про шпионов. Не знаю почему, но в Одессе мне совершенно не хотелось курить, и я просто не вспоминала о сигаретах до возвращения в Москву.

В Москве мне хочется курить всегда, и с этим ничего нельзя поделать. Я нащупала в кармане пачку «Собрания», прошелестела фольгой. Пальцы коснулись трех оставшихся сигарет. Я чуть смяла ту, которая короче, недокуренную утром, и почувствовала приятную шершавость шва между бумажным цилиндром и полым фильтром. Табак беззвучно хрустнул.

Когда бросаешь курить, все связанное с сигаретами начинает казаться нежным и домашним. Ты сидишь на уроке, у доски пишет уравнения Георгий Александрович, который снова оделся студентом, хотя ему уже хорошо за сорок, и ты лезешь в рюкзак, в карман, в

пенал — просто чтобы прикоснуться к сигарете. Это не шутка — многие мои друзья носят сигареты в пенале, потому что так ты чувствуешь себя спокойнее. Сигареты всегда под рукой, даже если закурить на уроке нельзя. Ты можешь взять сигарету, чуть надавить на бумагу, почувствовать ломкий табак. Ты думаешь, что больше не будешь курить, что это просто воспоминания о курении, но согревают тебя, конечно, не воспоминания, а осознание того, что выдержка опять даст сбой и после уроков ты снова будешь курить и тихо ненавидеть курение.

Я вышла из школы, успела даже порадоваться теплоте дню — сентябрь только начался — и встретила взглядом с памятником Энгельсу. Гранитный гном посмотрел на меня из-под кустистых бровей осуждающе, потому что подумал, что я буду курить и разговаривать с нехорошими ребятами. Так и получилось.

Я дошла до Кофемании и свернула в подворотню, где возле мусорки собрались курильщики. У одиннадцатых классов уроки еще не кончились, поэтому старшие спешили, быстро втягивали терпкий дым, остальные же расслабленно смотрели по сторонам, словно сонные рыбы в мутном аквариуме. Говорила Лиза.

Я посмотрела на нее и сразу нашла себе повод поддаться зависимости — так вкусно втягивала Лиза дым. Он скользил по ее губам, срывался на сторону неровными щупальцами.

Мне кажется, люди делятся на несколько типов. Есть я. Мне шестнадцать лет, и я ничем не выделяюсь из тепло-серой толпы. Таких людей у нас в классе большинство. Есть Лиза — и вообще люди,

которым хочется много разговаривать. Есть всяческие Юрцы — они стоят вокруг Лизы и молчат. Им нравится слушать, причем совершенно неважно что. В наушниках у них, наверное, белый шум.

Есть мрачные одиннадцатиклассники — им вообще плевать на все, главное — покурить и не сдохнуть. Они не смотрят даже на красивых девушек, хотя их около Кофемании предостаточно: кроме Лизы, есть еще Мира и Таня. Они стоят молча, потому что боятся смазать новую помаду. Или, может быть, им нечего сказать.

Лиза всегда была хорошей рассказчицей. В первом классе — я помню это очень смутно — она пересказывала какие-то сериалы, которые смотрела с мамой по вечерам. В средней школе Лиза описывала свои европейские путешествия — она была первой из класса, кто побывал в Лондоне. Последние несколько недель лета перед десятым классом она работала то ли секретаршей, то ли художницей в рекламном агентстве и теперь рассказывала в основном об этой работе. В ее историях все время звучали известные в узких кругах фамилии. Слушатель сразу ощущал себя частью тайного общества, в котором все ходят на частные выставки в полуподвальных помещениях и сами делают себе суши. Лиза была абсолютно уверена в себе и никогда не пыталась унижить своих слушателей. Мне, Тане и Мире было необходимо ее слушать. Так же, как необходимо слушать, например, Земфиру или Сплин.

Таня протянула мне сигарету — и я забыла про конверт в рюкзаке, потому что конверт и Алиса — это одно, а Таня, сигареты и мусорка — это совершенно

другое. Даже мысли о том, что я собиралась бросать курить, на время отступили.

Таня — невысокая и красивая девушка. Кроме помады цвета «кардинал», на ней почти не было косметики — только тени. Или, может быть, не было и теней — я хотела откинуть ее челку и посмотреть поближе, но в подворотне было много народу. Одиннадцатиклассники уже ушли, но зато до Кофемании добрались остальные десятые и девятые классы. Я потянулась к Тане, потому что хотела попросить у нее зажигалку, но она вдруг развернулась и обратилась к кому-то в толпе. Я постеснялась ее окликать и замерла на месте, стараясь изобразить непринужденность.

— Ана? — Юрец протолкнулся ко мне и протянул свою зажигалку — желтый Крикет. Кто-то, кажется Лиза, говорила мне, что желтый Крикет — это к ментам.

— Спасибо, — я обняла его, одновременно стараясь пробраться поближе к стене, — совсем не хотелось курить и толкаться.

— Не за что, — Юрец странно повел плечами и чуть отступил, давая мне пройти.

Лиза кивнула вместо приветствия и тут же спросила у все еще висевшей рядом Миры:

— Что случилось у Алисы?

Я сразу вспомнила про конверт в рюкзаке и, чтобы чем-то заняться, стала разжигать сигарету, которая всего за несколько секунд в толпе успела истрепаться.

— У нее папа умер, — сказала Мира.

Лиза понизила голос:

— От чего?

— Разбился на машине, — сказала Мира и добавила зачем-то: — Поэтому ее в школе не было вчера.

— А я и не заметила, — сказала Лиза. Ее лицо приняло странное выражение, смесь раздражения и скорби.

Я знала, о чем она подумала, потому что я подумала о том же: «Кто такая Алиса?» Удивительно, что можно проучиться вместе столько лет и ничего о человеке не узнать.

Вчера мы поговорили с ней впервые за девять лет учебы в (первом, третьем...) десятом «А» классе. И то только потому, что я подумала, что никто не станет спрашивать у нее, как она себя чувствует. Ну, оттого что у нее папа умер.

— У тебя она есть в друзьях в ВК? — спросила Лиза.

Мира кивнула.

— Может быть, ей написать что-нибудь? — спросила Лиза, и я подумала, что вот оно, вот почему ее все слушают. Лиза говорила именно то, что приходило ей в голову, а в голову ей приходило то же самое, что и всем нам. Да, я узнала об Алисином папе раньше, но это же неважно, когда мысль пришла тебе в голову, — важно, что ты после этого сделала.

Я написала Алисе вечером во вторник, потому что мне нечего было делать и хотелось как-то отреагировать на то, что у нее умер папа. Не то чтобы мне хотелось ее пожалеть, нет. Скорее, мне не с кем было поговорить о смерти.

Смерть я не видела ни разу — ни разу за шестнадцать лет не была на похоронах. Ни разу не видела

труп. А Алиса видела. В одном из первых сообщений она написала, что уже съездила с мамой в морг. Я сразу представила себе мрачный подвал с бесконечными рядами стальных коек, навеянный фильмом «Юленька».

А потом я спросила ее, могу ли что-то для нее сделать. Потому что иначе мне было бы стыдно. Так вообще часто бывает — я сначала сделаю что-нибудь из эгоистичных соображений, а потом приходится следовать зову стыда и совести.

«У меня есть конверт с рисунками, которые я хотела подарить ему на день рождения, — написала Алиса. — Можно я его тебе отдам на хранение? А я в какой-то момент его заберу — просто не хочется сейчас на них смотреть».

Я согласилась (конечно). Алисины рисунки я видела много раз — где-то начиная с пятого класса они появлялись в стенгазетах и проектах по истории. Маленькие человечки, перекошенные лица и бесконечные рисунки глаз. Алиса рисовала хорошо, дергано, будто правша, пишущая левой рукой.

— Я напишу, — сказала Мира, и экран ее телефона тут же моргнул.

— Ана? — Лиза обернулась ко мне: — Ты с ней говорила вчера.

Я кивнула, внутренне содрогнувшись. Не думала, что кто-то видел нас вместе. Не то чтобы в этом было что-то плохое, но в Лизиных глазах как будто сквозило осуждение. Есть люди, у которых в голове никогда не перестает работать механизм оценки происходящего, — они будто в реальном времени просчитывают